

«ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД», ЕГО СТАТИКА И ДИНАМИКА

Статья обращается к теме «идеального города», делая акцент на соотношении в его функционировании и развитии моментов его статичного и динамического состояний в глобальном контексте. Дается определение понятий статичности и динамики в историческом и современном контексте, выявляется специфика «идеального города» как сложной социобиотехнической системы, одновременно зависящей от типа этой системы (локальная, национальная, глобальная) и ее нахождения в системе глобальных координат. Понятие «идеального города» рассматривается в двух вариантах: как способ презентации среды обитания будущего и в приложении к задаче создания качественной модели российского мегаполиса, удобного и безопасного для жизни любого человека, в функционировании которого ущерб, наносимый им социальным и природным экосистемам, включая биосферу, должен быть минимизирован. Такой «идеальный» мегаполис должен одновременно максимально обеспечиваться своими возобновляемыми ресурсами и экономить ресурсы, поступающие извне. Чтобы понимать, зачем нужна такая двойная позиция, и участвовать в решении этих задач, жители мегаполиса должны иметь представление о его метаболических процессах. В заключение развивается мысль о необходимости междисциплинарного подхода к конструированию модели «идеального города» России и созданию соответствующих многопрофильных исследовательских коллективов, включающих ученых, преподавателей, студентов, журналистов и общественных активистов. Подчеркивается, что практическое создание модели «идеального города» будущего – это не социальный проект и не набор показателей или индикаторов, которые необходимо соблюдать, а непрерывный процесс трансформаций социального, информационного, материального и иного «тела» этого города.

The article develops an 'ideal city' theme and focuses on the relationships of its statics and dynamics in a mobile local-global context. The author offers the definitions of these two notions under historical and modern conditions, and determines the specificity of the 'ideal city' as a complex socio-biotechnical system both dependent on the scale of it (local, national, global) and its position within the dynamic global whole. Then, the ideal city notion is analyzed in two aspects: as a channel of presentation of a model of future living environment, and as a form of its application to the goal of making (constructing) of quality model of Russian megalopolises safe and comfortable for its inhabitants and visitors. In any case, the harm produced by their social systems to the biosphere has to be minimal. It means that the megalopolises should simultaneously be well supplied with their own renewable resources and to be well supplied with resources coming from the outside. The megalopolis inhabitants

have to be well informed about the inside and outside metabolic processes. In conclusion the author claims the necessity of an interdisciplinary approach to designing and constructing an 'ideal city' model in Russia and everywhere. Such interdisciplinary research and development teams of the researchers, tutors, students, journalists, grassroots activists and municipal workers have to be formed. It is stated that a practical realization of any 'ideal city' project is neither a 'social project' in a traditional sense, nor a set of indices that have to be followed. An 'ideal city' project is a model of uninterrupted process of transformation of social, material, informational and other interrelated components of such city mobile whole.

Ключевые слова: глобализация, «идеальный город», модель, наука, общество, природные экосистемы, ресурсы.

44

Keywords: globalization, 'ideal city', model, science, society, natural ecosystems, resources.

Любое человеческое сообщество, раз возникнув, борется за свое существование. Такое сообщество всегда выступает в трех ролях: производящего, потребляющего и сохраняющего себя и среду своего существования. Поэтому город может считаться «идеальным», если только эти три его функции не противоречат друг другу. Однако «идеальный город» (далее – ИГ) не может существовать лишь за счет внутренних ресурсов, даже если он уподобится натуральному хозяйству. Всякое человеческое сообщество способно функционировать только за счет притока ресурсов извне, будь то материальные, научные или человеческие ресурсы. Диалектика отношений человека, города и глобального сообщества состоит в том, что они нужны друг другу во всех названных выше трех отношениях, то есть взаимоотношения человека, «идеального города» и общества должны строиться на принципах взаимности.

«Статика» (устойчивость, sustainability) современных городов на протяжении многих сотен лет достигается за счет природы и ее ресурсов. Формула К. Маркса «человек живет природой» сегодня уже недостаточна, так как она отражает только одну сторону жизни любого города. Однако вместе с тем современные города не только потребляют природу и ее ресурсы, но и все интенсивнее загрязняют и уничтожают ее, сокращая ее воспроизводственные возможности, и параллельно создают «вторую природу» в форме гибридных систем [15, с. 32–40], существующую по своим собственным законам. Ранее я назвал их социобиотехническими системами (сокращенно – СБТ-системами) [8]. Одновременно общее жизненное пространство обитания человечества (living space) неумолимо сокращается. «Динамика» современной ситуации состоит в том, что Россия и весь мир, включая российское общество, переходят (с разной скоростью) от Третьей к Четвертой научно-технической революции (далее – НТР-4).

Что это состояние «перехода» (interregnum) означает с точки зрения создания модели «идеального города»?

Во-первых, любой город теряет свою устойчивость вследствие появления новых его структур и функций и отмирания (угасания или

трансформации) существующих. Причем если его материальная структура и внешний вид изменяются мало и медленно, то его структурно-функциональная «начинка» и отношения с внешним миром — гораздо быстрее, а главное — часто в ранее неизвестных направлениях.

Во-вторых, нарушение устойчивости городской жизни влечет за собой ее нестабильность, чреватую протестными акциями, неожиданными трансформациями, что повышает градус конфликтности между населением города и властными структурами. Происходит общее ослабление существующего социального порядка.

В-третьих, всякий переходный период и в особенности современный переход «на цифру» ведет к изменению институциональной структуры общества. «Статичные» институты замещаются подвижными, такими как, например, временные соглашения, отсрочки уже принятых решений или «замораживание конфликтов», которые необходимы хотя бы для временного понижения градуса социальной напряженности.

В-четвертых, в такие периоды смены способа производства «производственные» функции городских сообществ и их населения преобладают, тогда как их функции как потребителя и «охранителя» себя и среды своего существования сокращаются по причинам социальной нестабильности, с одной стороны, и недостаточности ресурсов для поддержания среды своего обитания — с другой.

В-пятых, в результате к городу и его обитателям предъявляются новые требования, люди должны овладевать новыми знаниями и навыками, что требует дополнительного времени и ресурсов. Рынок труда сокращается, формы обучения и тренинга начинают меняться и т.д., следовательно, ситуация в городах становится все более неопределенной и потому непредсказуемой.

История человечества свидетельствует, что ИГ могли возникать естественным образом, например как узлы на пересечении торговых путей или же как реализация неких «космических» проектов, смысл которых до сих пор еще неясен. Вопрос в том, каков объект исследования: это ИГ для повседневной жизни всех желающих или же экспериментальная площадка для демонстрации достижений науки и техники и/или экономический, социальный и психологический эксперимент? Далее нужно понимать, национальный или интернациональный это проект (или эксперимент), а также каков политический смысл создания моделей «идеального города»: отвлечь внимание общества от насущных проблем или вовлечь его в процесс создания таких городов (второй вариант весьма напоминает знаменитую дискуссию о социалистическом городе 1929—1932 гг., в которую было вовлечено множество групп и сил, но в конце концов генплан Москвы 1935 г. был признан образцовым). И наконец, ИГ — понятие относительное, его определение зависит от его места в системе геополитических координат и от времени, для которого создается его модель. Если мы анализируем настоящее, будет одна модель, если пытаемся предсказать будущее — другая.

Помимо такой системы глобальных геополитических координат, обозначающих совокупность конкретных способов производства (укладов жизни) и глобальную политическую ситуацию (мир, война или перемирие), существенную роль в построении модели ИГ играют динамические процессы — глобальные, национальные или локальные. Собственно говоря, на этих (хотя и ясно не эксплицированных) принципах было основано одно из первых международных сравнительных социологических исследований начала XX в. «Польский крестьянин в Европе и Америке» У. Томаса и Ф. Знанецкого. Это исследование является одним из фундаментальных в отношении последующего понимания города как организма [14], легшего в основу концепции маргинального человека Р. Парка [13], а также и для моего понимания современных миграционных процессов, происходящих в городах России и современной Европы, и их динамики как трансконтинентальных.

Для одних мигрантов современный город — это просто «добыча», которой можно поживиться в обществе «всеобщего благоденствия», для других — то, что было отнято у их родины, столетиями находившейся в колониальной зависимости от Европы. Для третьих это место, где есть условия для социальной мобильности, для четвертых — убежище от войн, голода и болезней, для пятых — «временное пристанище» для движения дальше. Наконец, для шестых — это путь на «дно общества» [9].

Удивительно, что высокообразованная канцлерин Ангела Меркель, развивая в ЕС политику толерантности, не учла этих очевидных различий, хотя в Германии турецкие анклавы появились еще в конце 1960-х гг. Достаточно почитать книгу немецкого журналиста Гюнтера Вальрафа, несколько лет прожившего в такой общине, а также во многих других социальных сообществах. Все его исследования выполнены методом включенного наблюдения (его «13 нежелательных репортажей», написанные в 1969 г., переведены на русский язык). Но сегодня перед всеми категориями населения городов ЕС стоит противоположная проблема: как выжить и сохранить себя в условиях быстро сокращающегося рынка труда, политического и финансового давления со стороны США и Китая, то есть в условиях грядущего изменения системы глобальных геополитических координат?

Как выжить и сохранить себя в ситуации, когда в мире уже нет абсолютно безопасных мест, а есть только более или менее безопасные и такая их оценка целиком зависит общей геополитической ситуации, но никак не от мигрантов? Более того, по мнению Д. Рухта и других немецких социологов, мигрантов используют как инструмент для возрождения нацизма (цит. по: [5]). Итак, необходимо различать переселение на пустующие земли, подобное происходившим во времена столыпинской реформы, перенос столицы страны с целью развития ее центральной части, как, например, при строительстве Бразилиа [12], захват чужой земли с уничтожением или вытеснением коренного населения, как в случае освоения Америки англичанами и французами, и современное «броуновское движение» мигрантов по всей планете.

Исторически понятие «идеального города» трудно определить, потому что всякий раз конкретное социальное сообщество исходило из наличной ситуации места и времени и ее концептуализации, включая понимание места «идеального города» в мироздании. Историческая наука и археология показали, что создатели городов цивилизации майя, Древних Египта и Греции опирались на свои астрономические наблюдения, философские представления и религиозные убеждения. Но, например, исследователи городов цивилизации майя развивают экологическую и неэкологическую трактовки ее гибели. Первая (весьма современная) утверждает, что эта цивилизация погибла вследствие роста населения, а значит, нехватки средств существования, тогда как вторая рассматривает ее гибель как результат междоусобных войн или кратковременной природной аномалии, например засухи.

47

Европейские города позднего Средневековья и Нового времени можно очень грубо разделить на две категории: исторически сформировавшиеся с их сословной структурой, как, например, Венеция и другие города Италии, и собственно «идеальные города» Томаса Кампанеллы и Томаса Мора. К первой категории можно также отнести Новгородскую республику XII–XV вв. Первые формировались естественным путем в результате торговли и развития искусств и ремесел, тогда как вторые были плодом теоретизирования выдающихся фигур своего времени. Замечу, что развитие тех и других происходило на основе их пространственного расширения за счет уже освоенных кем-то земель, так и неосвоенных природных пространств и их ресурсов. Концепции и проекты «идеальных городов» всегда исходили из существовавших в то время представлений об «идеальном» общежитии людей.

Третья научно-техническая (промышленная) революция, начавшаяся в конце XVI в. в Великобритании и затем охватившая всю Европу, вскоре создала экологические проблемы для большинства ее населения ввиду ограниченности ее территории (что было особенно чувствительно для срединной Англии, несмотря на постоянный отток населения в ее колонии и в Северную Америку). Гигантский приток богатств из многочисленных колоний не сделал английские города ни более счастливыми, ни более чистыми. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать несколько томов сочинений Ч. Диккенса.

С конца XIX в. начинаются попытки создания и реализации проектов «идеального города» в Англии, а затем и в других европейских странах, включая Россию. Речь идет прежде всего о концепции «города-сада», разработанной англичанином Э. Говардом [10]. Попытки популяризировать и реализовать ее, в том числе в России, закончились практически ничем, хотя, как это ни странно, предпринимались многократно вне зависимости от политического устройства страны и ее экономического состояния. По разным причинам они оказались несостоятельными, а вот малые «зеленые города» при промышленных предприятиях и железнодорожных узлах действительно были, но скорее как дань российской крестьянской традиции иметь свой домик с садом и огородом. Собственно, эта традиция сохранилась и по сей день в форме садово-огородных товариществ.

Сегодня под воздействием глобальных процессов и информационно-коммуникационных сетей перед российскими мегаполисами встают новые проблемы [7]. Поскольку ранее я уже кратко обрисовал историю идеи «идеального города» [8], здесь я обращусь к мыслям В. И. Вернадского о России, ее науке и государственности, которые были высказаны им более 100 лет назад, но ничуть не потеряли своей актуальности сегодня, в том числе в отношении рассматриваемой нами проблемы соотношения статики и динамики.

Россия, по мнению Вернадского, — это не государство, а целый континент, и «мы должны чувствовать себя не только европейцами, но и азиатами...» [1, с. 246]. По своей потенциальной энергии азиатская часть России превышает европейскую. Поэтому «центр жизни нашей страны будет все более и более передвигаться, как это уже давно правильно отметил Д. И. Менделеев, на восток...» [1, с. 247]. Однако пока мы «недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей территории... Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна охраняться нами как общечеловеческое достижение...» [Там же].

Одновременно сильны и центробежные силы. Поэтому «уменьшение центробежных сил в организации государства является одной из наиболее важных задач государственной политики», которая должна сочетаться с политикой «национальной свободы». Вернадский всегда подчеркивал, что «местный центр использует и вызывает к жизни духовные силы, иначе недоступные к возбуждению. Именно таким «путем достигается максимальная интенсификация научной работы» [1, с. 248–249].

Мыслитель утверждал, что «наука едина и нераздельна. Нельзя заботиться о развитии одних научных дисциплин и оставлять другие без внимания. Нельзя обращать внимание только на те <науки>, приложение к жизни которых сделалось ясным, и оставлять без внимания те, значение которых не осознано и не понимается человечеством» [1, с. 244].

Вернадский писал, что «русская умственная культура» XIX — начала XX в. «может считаться созданием общественной самодеятельности», тогда как «государственная организация большей частью являлась враждебным ей элементом». Оценивая состояние русской науки после реформы 1884 г., проведенной Министерством народного просвещения, Вернадский отмечал, что «русские ученые совершили свою научную работу вопреки государственной организации, при отсутствии самых элементарных условий общественной безопасности» [1, с. 186, 189].

«Государство должно дать средства, вызвать к жизни научные организации, поставить перед ними задачи. Но мы должны всегда помнить, что дальше этого его вмешательство в научную творческую работу идти не может. Наука, подобно религии, философии или искусству, представляет собой духовную область человеческого творчества, по своей основе более могучую и более глубокую, более вечную, чем всякие социальные формы человеческой жизни. Она довлеет сама по себе. Она

свободна и никаких рамок не терпит» [1, с. 249]. Сама «организация научной работы должна быть предоставлена свободному научному творчеству русских ученых, которое не может и не должно регулироваться государством. Бюрократическим рамкам оно не поддается» [Там же].

Ранее я предложил свою версию трансформаций, происходящих в России и мире под воздействием НТР-4 (см., например, [6; 17]), и направления возможного воздействия названных выше факторов и сил на городские организмы, на качество жизни их населения, включая глобальную СБТ-систему в целом. Здесь я только кратко назову основные трансформации и, опираясь на работы других исследователей, постараюсь обозначить грядущие изменения.

Сегодня под воздействием НТР-4 весь мир, включая Россию, входит в «переходный период» (*interregnum*, по А. Грамши), сопровождающийся качественными изменениями в его структурно-функциональной организации, динамике и их природных и социальных последствиях. Суть происходящих событий заключена в «переходе» к новому способу производства и социального воспроизводства, основанному на развитии информационно-коммуникационных технологий. Это развитие – всеохватывающий и всепроникающий процесс, ведущий мир к еще большей неопределенности, нестабильности, сопровождающийся резкими и неожиданными изменениями.

Уже сегодня индивид, группы, социальные общности, государства и человечество в целом находятся, и в ближайшем будущем будут находиться, под двойным давлением: извне и изнутри. Под давлением извне я понимаю совокупность геополитических интересов и сил как отдельных государств, так и их объединений и стратегических альянсов. И благодаря глобальным сетевым системам это давление будет только увеличиваться, как это показало 11-летнее исследование глобальных рисков и их социальных последствий [16].

Как отмечает политический обозреватель «Коммерсант.ru» М. Юсин, вызовы и риски сегодня нас ожидают буквально со всех сторон. Во-первых, это нарастающее давление со стороны властей Украины «по всему фронту» (Донбасс, Черное и Азовское море), а также ряд тлеющих конфликтов на Кавказе (например, между Арменией и Азербайджаном), нерешенные проблемы Дагестана, сохраняющееся напряжение в отношениях между Ингушетией и Чечней и т.д. Далее, это продолжающееся давление на РФ в связи с ее предполагаемым вмешательством в выборы в США, до сих пор тлеющий конфликт по «делу Скрипалей», а также нарастание военно-политического давления на Россию со стороны НАТО как ответ на якобы «растущую военную угрозу» со стороны России. К сожалению, отношения России и ЕС тоже оставляют желать лучшего, «Северный поток-2» все еще остается под вопросом.

К этому необходимо добавить сохраняющуюся неопределенность ситуации в Сирии, где, несмотря на заявленный вывод военного контингента из этой страны, остаются многочисленные анклавные сопротивления присутствию там военного контингента РФ. В последние ме-

сяцы произошло также обострение отношений в «треугольнике» Израиль — Иран — Россия. Несмотря на неоднократно анонсированное увеличение товарооборота между Россией и Китаем, между ними копится перечень нерешенных геополитических проблем, российское население в приграничных с Китаем районах жалуется на хищническую эксплуатацию лесного фонда РФ и т. д. Также следует вспомнить о непринятии Генассамблеей ООН резолюции по Договору о РСМД, предложенной российской стороной.

На первый взгляд, все сказанное выше мало связано с НТР-4. Однако несомненно, что все эти претензии и вызовы со стороны англосаксонского Запада не имели бы такого широкого общественного резонанса, не будь они мгновенно распространяемы по всему миру по информационным сетям. Сегодня все понимают, что «зазор» между неким «заявлением» и реальным действием может составлять всего несколько минут.

Теперь — о внутренней ситуации, о которой говорит К. Ремчуков, главный редактор «Независимой газеты» («Эхо Москвы», прямой эфир от 24.12.2018 г.). В СССР, отмечает он, был иной тип развития, в котором главную роль играли КПСС и советское государство как ее «приводной ремень». Несмотря на переход к рыночной экономике, советский тип развития в известной мере сохраняется и сегодня. Однако он все больше входит в противоречие с самим принципом организации современного капиталистического общества, основанного на информационных сетях.

Что утверждает Ремчуков? «Технологический прорыв» сегодня могут осуществлять только молодые и независимые люди, то есть он уже осуществляется и будет развиваться только снизу. Его порождающая среда — это молодежь, а не государственные структуры, включая ВПК. И этот сдвиг, связанный с НТР-4, ведет к изменению институциональной структуры общества. Политические партии и их лидеры теряют свой политический вес, а запрос общества на гражданскую активность, на выдвижение своих лидеров, напротив, возрастает. Жаль, что проект «Глобальное гражданское общество», инициированный в начале 2000-х гг. Высшей школой экономики (Лондон), не был доведен до конца. Однако, как утверждает К. Ремчуков и другие российские политологи, в России уже начался «транзит власти», когда на смену партийным политикам приходят лидеры гражданских инициатив или ученые, становящиеся выразителями общественных интересов.

Но главное в том, что глобальная и российская повестки дня тоже меняются. Их отличительной чертой являются гибридные войны или, как их называют западные ученые, войны нового типа, соединяющие в себе вооруженную борьбу, криминал и насилие [11]. Гибридная война — более подходящий термин, так как, с моей точки зрения, это не война в традиционном смысле, а качественно иное состояние общественного организма — состояние, когда война ведется самыми разными средствами, преследуя в первую очередь цель подавить вероятного противника. Мотивы гибридных войн могут быть самыми разными —

идеологическими, экономическими или политическими, но конечной целью таких войн становятся дефицитные ресурсы, будь то полезные ископаемые, территория, пригодная для строительства или земледелия, или космическое пространство.

Гибридная война иногда объявляется, но чаще всего ведется скрытно, мирными и военными средствами, между которыми (опять же!) грань все более стирается. Наконец, в современных условиях гибридная война никогда не кончается — она просто способна перемещаться в иное физическое или социальное пространство, и потому ее, раз начав, очень трудно закончить. Кто, например, может определить ее численный критерий, когда глобальные миграционные потоки не только людей, но и вещества, энергии, информации и даже отходов производства перемещаются на тысячи километров, трансформируясь сами и изменяя среду обитания человечества? Получается, что гибридная война — это синоним непрерывных изменений в природе и обществе.

Соотношение фундаментальных и прикладных наук и массмедиа чрезвычайно важно для понимания исследуемого нами вопроса. Что изменяется в процессе развития НТР-4? На мой взгляд, три момента являются здесь определяющими: 1) изменение «веса» (значимости) каждой из названных выше сил в формировании модели «идеального города»; 2) скорость производства ими социально значимых результатов; 3) реакция общества на предлагаемые ему продукты (теории, законы, модели образа жизни), то есть готовность следовать им или же, напротив, сопротивление им.

Что представляют собой современные проекты «идеальных городов» будущего, такие как, например, «линейные города» К. Доксиадиса или «умные города» типа Масдар-Сити, анонсированные в Объединенных Арабских Эмиратах? Это или создание «идеального города» за счет его бесконечного территориального расширения, или механическая попытка собрать в одном месте все достижения научно-технического прогресса, не заботясь ни о стоимости такого эксперимента, ни о совместимости суммы технологий, ни о его воздействии на живущих в нем людей.

Первый вопрос: как можно измерить «вес» некоторого продукта, производимого фундаментальной наукой? В современном мире он измеряется прежде всего финансовыми и интеллектуальными затратами на его создание. Поначалу эти затраты очень высоки, поэтому создаваемые наукой продукты дороги и недоступны для рядового потребителя. Следовательно, долгое время производство таких продуктов имеет символическое значение, демонстрируя превосходство научно-технического потенциала их производителя (страны, фирмы, компании, группы ученых). И только когда налаживается массовое производство данного продукта, он становится доступен массовому потребителю.

Однако создание модели современного «идеального города» требует совмещения самых разных инновационных продуктов на ограниченном пространстве, а значит, известной синхронизации их производства и тестирования их совместимости в рамках определенной терри-

тории, что весьма усложняет задачу и увеличивает время на разработку такой модели. Мы не можем забывать о метаболических процессах и их природных и социальных последствиях, неизбежно возникающих в ходе совмещения (сочленения) инноваций в рамках определенной территории. Наконец, модели современного «идеального города» создаются в конкретной геополитической среде. Поэтому задача совместности такого города с нею не менее актуальна, чем совмещение и синхронизация разнокачественных процессов на определенной территории. Таким образом, реалистичность создания модели «идеального города» определяется как промышленным и социально-политическим потенциалом его создателя, так и динамикой глобальной геополитической ситуации.

Вторым важным моментом является скорость производства и внедрения социально значимых результатов научно-технических и социальных инноваций. Ясно, что фундаментальные исследования требуют времени, поэтому быстро «внедрить» их результаты в практику нельзя. А вот результаты прикладных исследований, включая социологические, можно получить гораздо быстрее, и использовать их в практике можно тоже быстрее.

Однако здесь есть масса «подводных камней». Например, социологи часто обращаются к методу опроса экспертов или методу фокус-групп. Но чтобы использовать результаты таких исследований для создания модели «идеального города», надо быть уверенным, что респондент излагает свою точку зрения, а не ту, которую он узнал из СМИ, а также понимать, на чем основаны его мысли относительно желаемого будущего (на личном опыте, мнении друзей и знакомых, на популярной литературе или опять же на распространенных в СМИ информационных клише) и на что респондент равняется в своих ответах — на образ жизни обеспеченных людей, на собственные соображения, на данные науки или же на свои представления о желаемом будущем? Как показывает опыт, даже в пилотных проектах дистанция между временем получения обобщенных данных такого проекта и реальными темпоритами изменения той среды обитания, для которой он разрабатывается, измеряется несколькими месяцами, а иногда и годами. То есть пока социологи делали свой проект и обрабатывали его результаты, ситуация могла измениться и очень часто действительно коренным образом меняться. А если социологи при этом хотят полученные ими данные трансформировать в некоторые легальные нормы (правила, инструкции, принципы моделирования), то этот временной разрыв между научным знанием и стремительно изменяющейся практикой еще более увеличивается.

Что же делать? Здесь мы переходим к третьему пункту нашей повестки: к реакции общества на предлагаемые ему учеными или проектировщиками модели идеального города. Возможны два ответа: либо система «власть — бизнес» навязывает свою точку зрения горожанам силовым образом, объясняя такой императивный подход изменением международной обстановки и/или внутреннего положения, либо при-

меняет метод «мягкой силы» в тех же целях. Как правило, в конкретных случаях используются оба метода убеждения в необходимости того или иного решения.

Но каким именно образом? Ответ напрашивается сам собой: через СМИ. Во-первых, в этом случае дорогостоящие и долгие фундаментальные исследования становятся ненужными, они с успехом заменяются социальным конструированием политических оценок и решений на основе единичных фактов, которые к тому же никто не может подтвердить, так как некоторое событие уже произошло, ситуация изменилась и т. д. Поэтому привычный для естественных и технических наук метод тестирования ранее полученных результатов здесь непригоден. Во-вторых, когда мы рассуждаем о модели «идеального города», мы часто забываем о его социальной неоднородности. Те конкретные меры, которые ученые предлагают населению города в целом, совершенно не нужны богатым и сверхбогатым. Они или уже обеспечили себя всем необходимым на все случаи жизни, или имеют возможность покинуть это место жительства в любой момент.

Таким образом, сама модель «идеального города» сегодня не предполагает всеобщего равенства и братства. Напротив, она будет тем более жизнеспособной, чем большим разнообразием будет отличаться ее структурно-функциональная организация. Не может быть статичного идеального города в условиях нарастающей глобальной динамики, причем такой, которая своими информационными сетями «проникает» во все поры городского организма.

Все это означает, что, во-первых, создатели такой модели с самого начала должны мыслить ее как динамическую, подвижную структуру с множеством неожиданных метаболических трансформаций. Во-вторых, СМИ действительно стали четвертой властью, посредством которой можно не только убеждать население в необходимости следовать модели «потребительского общества», но и предупреждать людей, что отказ от нее может иметь для них негативные последствия. В-третьих, сегодня смысл динамизма человеческой жизни как раз и заключается в необходимости следовать постоянно меняющимся моделям «потребительского общества». То, что мы имеем дело с «копеечным разнообразием», дела не меняет, так как других социально одобряемых моделей индивидуального поведения просто не существует. В-четвертых, индивид, принадлежащий к иной, не европейской культуре и исповедующий другие ценности, стоит перед выбором: стать социальным или культурным маргиналом либо, объединившись с единомышленниками, начать борьбу за утверждение своих ценностей и образа жизни. В-пятых, в современном мире, фактически пребывающем в состоянии гибридной войны «всех против всех» [11], идеалы гуманизма и социальной солидарности [2] вытесняются идеалами ожесточенной борьбы и негативными солидарностями людей в целях самосохранения и выживания.

Кто они, разработчики «идеальной модели»? В первую очередь, это ученые разных специальностей, конкретный состав которых будет вы-

явлен при определении внешних и внутренних условий среды обитания, то есть глобального, национального и локального контекста создаваемой «идеальной модели». Однако в любом случае междисциплинарные барьеры должны преодолеваться, и чем быстрее, тем лучше. А этот эффект достигается именно при разработке сложных междисциплинарных моделей и их проектов, учитывающих метаболические процессы, то есть результаты взаимодействия разнородных структур и процессов [8].

Далее, не только следуя заветам Вернадского и других великих российских ученых, но и опираясь на изучение многолетнего опыта участия в междисциплинарных проектах (градостроительных, экологических и др.), я полагаю, что в такие проекты должны быть включены преподаватели, аспиранты и студенты российских вузов. Опыт участия ученых и преподавателей в деятельности студенческого природоохранного движения не должен быть утерян. К ним могут также подключаться учащиеся старших классов средней школы под руководством своих педагогов [4].

К разработке подобных проектов следует также привлекать местных активистов разных возрастных групп, специальностей и жизненного опыта. Эта категория граждан не только обладает многими практическими навыками, но и хорошо знает местную ситуацию, которая не всегда понятна со стороны.

Не должны быть утеряны знания и опыт бывших членов студенческих дружин охраны природы. Возможно, что часть из них уже не принимает активного участия в природоохранной работе, но их умение видеть конкретную ситуацию «сверху» и «снизу» для такой работы неопределимо. К разработке «идеальных моделей» следует также привлекать журналистов самого разного профиля, потому что они по самому характеру своей повседневной деятельности способны оценивать внутренние и внешние условия работы над проектами таких моделей. Наконец, необходимо, чтобы в этой работе участвовали сотрудники местных муниципалитетов, которые тоже, как правило, хорошо осведомлены о ситуации в своем районе.

Задачи разработчиков модели «идеального города»:

1. Построить качественную модель, хотя бы схематическую, системы международных географических координат, в рамках которых находятся российские мегаполисы; выявить наших потенциальных союзников, противников и нейтральные страны, степень зависимости «идеального мегаполиса» от них (инвестиции, ресурсы, политические ограничения и т.д.) и вместе с тем кто из них может оказать нам консультативную помощь, предложить инвестиции и иную поддержку.

2. Определить место данного города в национальной системе координат. Как показывает социологическая теория и социальная практика, сотрудничество университетов и региональных властей, дополненное участием местных журналистов и общественных активистов, уже дает положительные результаты [3]. Подумать, кого еще необходимо привлечь к сотрудничеству с социологами.

3. Уметь сочетать исследования существующих трендов, то есть наличного соотношения статике и динамики российских мегаполисов, и изменений, происходящих в глобальном социуме. Могут предполагать, что глобальные изменения будут стимулировать изменения в российских мегаполисах в первую очередь, вопрос в том, какие именно изменения, насколько они будут сильны и в какую сторону.

4. Соотнести эти глобальные тренды и возможное воздействие на российские мегаполисы региональных сил. Это существенно, поскольку наша страна входит в несколько макрорегиональных союзов (альянсов), и эти альянсы периодически изменяют свою территориальную конфигурацию и политическую направленность.

5. Изучить существующие и латентные тенденции в изменении ожиданий и намерений жителей российских мегаполисов, что необходимо для понимания, от кого (или от чего) наши мегагорода зависят больше или меньше (например, от санкций или недостатка квалифицированных кадров, необходимых для развития НТР-4, и т. д.).

6. Определить, каково положение российских мегаполисов в системе международных геополитических координат. Это нелегкая задача, но некоторые факторы, как, например, дефицит финансовых ресурсов и недостаток квалифицированных кадров для развития НТР-4 в России, уже очевидны.

7. Изучить силы сопротивления переходу нашего общества и, в частности, мегаполисов на рельсы НТР-4. На мой взгляд, такими силами будут прежде всего сложившееся в России институциональное разобщение сфер науки и образования, препятствующее изучению комплексных структур и форм жизни, а также направление финансовых и иных ресурсов на облагораживание внешнего вида города в ущерб здоровью населения и городских природных экосистем.

8. Выянить, какие отрасли или сферы городской жизни требуют развития (и, соответственно, вложения ресурсов) в первую очередь, а какие оказывают наибольшее негативное воздействие на экологическую и социальную среду российских мегаполисов. Представляется, что развития и финансирования требуют медицина, улучшение качества воды и продовольственных товаров, а также подготовка широких слоев населения к переходу «на цифру». Негативное воздействие на городскую среду оказывает прежде всего массовая автомобилизация населения мегаполисов. Характерный пример: новые магистрали и развязки строятся, а время стояния транспорта в пробках ничуть не сокращается.

Следует помнить, что инициатив снизу сегодня практически не существует. Муниципалитеты не имеют реальных инструментов для улучшения ситуации, так как налоги сначала идут в государственную казну, и лишь оттуда средства выделяются муниципальным органам власти. При этом все низовые инициативы строго регулируются городскими властями. По разным подсчетам, в Москве «временное население» составляет от 2 до 5 млн человек. Эти занятые по большей части в сфере обслуживания люди не интересуются ничем иным, кроме зара-

ботка. Фактически это не москвичи, а «вахтовики». Пропаганда индивидуального успеха и потребительской идеологии в сочетании с жесткими ограничениями в отношении любых собраний жителей города сделали свое дело, тогда как для достижения желаемого результата в деле создания «городов будущего» всегда нужны общность взглядов, солидарность и настойчивость.

Наконец, в то время как в Европе давно заботятся об экономии энергии, Москва и другие мегаполисы РФ светятся днем и ночью. Европейские ученые уже много лет изучают энергетические потоки в больших городах, развивают различные системы производства возобновляемой энергии (ВИЭ), у нас же миллионы батареек используются и не перерабатываются, а выбрасываются в мусорные баки, загрязняя окружающую среду. Об энергосбережении бытовых приборов мы, как правило, тоже не думаем.

Под воздействием НТР-4, характерными чертами которой являются глобализация, информатизация и «технологизация» социальной жизни общества, а также замена науки как конституирующего общества фактора системой всеобъемлющих массмедиа, городская жизнь как некогда целостный социальный феномен распалась, превратившись в калейдоскоп постоянно меняющихся знаков и символов, продуцируемых теми же массмедиа.

Социологи утверждают, что современное общество находится в состоянии «нормальной аномии» [2], которое характеризуют раздвоенность сознания и перманентная манипуляция им, конструирование социальной реальности, акцент на символическом поведении, оправдание актов асоциального и/или маргинального поведения и т.д. Соглашаясь с такой трактовкой современной «гиперреальности», считаю необходимым обратить внимание на ее противоположную сторону — гибридные войны. Фактически сегодня все страны и регионы пребывают в состоянии перманентной гибридной войны за дефицитные ресурсы и геополитическое доминирование на планете. Я не уверен, что такую аномию можно назвать «нормальным» состоянием.

Создание «идеального города» будущего — это не социальный проект и не набор показателей или индикаторов, которые необходимо соблюдать, а непрерывный процесс трансформаций его социального «тела», информационного, материального и иного. Чтобы понимать механику работы мегаполиса, его жители должны иметь представление о его метаболических процессах в зависимости от состояния глобального целого. В основание динамической модели «идеального города» должны быть положены безопасность населения и среды его обитания, постепенное снижение уровня внешних угроз (вызовов), а силы и ресурсы следует вкладывать в развитие социального потенциала человека и сбережение природных ресурсов.

Для разработки модели «идеального города» будущего необходимо взаимопонимание между естественными, социальными и технически-

ми науками. Поэтому динамическую модель такого города должны создавать междисциплинарные коллективы, в которые входили бы ученые, преподаватели, студенты, местные активисты и представители муниципальной власти. Взаимопонимание между ними и обмен идеями — лучшее лекарство от состояния «нормальной аномии», в которое уже входит научное сообщество. Факты, тренды, зависимости и их междисциплинарная интерпретация, а не дискурс-анализ являются основой создания модели «идеального города» наших дней.

Статья подготовлена в рамках проекта «Российские мегалополисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования “зеленых” городов России», грант РФФ №17-78-20106.

Список литературы

1. Вернадский В.И. Публицистические статьи / отв. ред. В.П. Волков. М., 1995.
2. Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации / отв. ред. С.А. Кравченко. М., 2018.
3. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Университеты, которые могут изменить себя и макрорегион // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 16. М., 2018. С. 393–436.
4. Материалы XIV экологической науч.-практ. конф. школьников Южного Подмосковья «Экополис — город будущего» (тезисы в авторской редакции) / под ред. Л.А. Кочуровой. Пушкино, 2012.
5. Ходаков И. Свобода заговора // Военно-промышленный курьер. 2018. №49 (762).
6. Яницкий О.Н. Глобализация: от теории к измерению // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 16. М., 2018. С. 145–170.
7. Яницкий О.Н. Российские мегалополисы в условиях глобальных социально-экологических вызовов // Общественные науки и современность. 2018. №1. С. 5–16.
8. Яницкий О.Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. №3. С. 5–22.
9. Bauman Z. Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge, 2004.
10. Howard E. The Garden Cities of Tomorrow. L., 1965.
11. Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Cambridge, 2012.
12. Niemeyer O. Minha experiência em Brasília. Rio de Janeiro, 2006.
13. Park R. Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. P. 882–893.
14. Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D., Wirth L. The City. Chicago, 1926.
15. Social ecology: society-nature relations across time and space / ed. by H. Haberl, M. Fisher-Kowalski, F. Krausmann and V. Winiwater. Springer, 2016.
16. The Global Risks Report 2018. Geneva: World Economic Forum. URL: www.weforum.org/risks (дата обращения: 10.02.2019).
17. Yanitsky O.N. The Fourth Scientific and Technological Revolution and its Social Outcomes // International Journal of Research in Sociology and Social Anthropology. 2018. Vol. 4, №4. P. 46–54.

Об авторе

Олег Николаевич Яницкий – д-р филос. наук, проф., Федеральный научно-исследовательский центр социологии РАН; виртуальная лаборатория «РНФ-45-ВП», Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия.

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

The author

Prof. Oleg N. Yanitsky, Leading researcher at lab 'RSF-17-45-VP' of the Institute of the Social Philosophy Studies and Mass Communication, Kazan Federal University, Russia.

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru